

**А. Б. Мулик, Ю. А. Шатыр,
В. В. Юсупов, И. В. Улесикова,
Н. О. Назаров, Е. В. Черный**

УДК: 159.99

ПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ И ТАБАКА В РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ КАК ФАКТОР РИСКА ВОСТРЕБОВАННОСТИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У МОЛОДЕЖИ

*Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (РФФИ)
в рамках проекта № 20-013-00145
«Механизмы комплексного влияния факторов
окружающей среды на потребление
психоактивных веществ населением
локальных территорий Российской
Федерации»*

Детерминанты риска востребованности и потребления психоактивных веществ (ПАВ) традиционно дифференцируются по трем группам факторов: биологические, психологические и социальные. Биологическая компонента обусловлена целым рядом специфических проявлений нейрохимических функций мозга, провоцирующих востребованность адаптогенов, которыми по существу и являются ПАВ. Данные проявления, в свою очередь, детерминированы индивидуальной генетической программой онтогенеза человека, в значительной степени определяемой его наследственностью. В отдельных исследованиях обосновывается фенотипическая обусловленность востребованности ПАВ [5]. Доказано влияние физических и химических факторов природной среды на адаптационный потенциал человека и последующую востребованность алкоголя [6]. Психологические факторы востребованности ПАВ состоят из индивидуально-психологических и социально-психологи-

ческих. Индивидуально-психологические, в свою очередь, делятся на личностные и ситуативные. Как правило, основополагающими в формировании мотивации потребления ПАВ являются личностные факторы, в определенной степени генетически обусловленные и в большей – сформированные неадекватным семейным воспитанием. К личностным факторам риска относятся неуверенность в себе, импульсивность, неумение распознавать и выражать свои чувства, неумение принимать ответственность за собственное поведение, неумение эффективно разрешать конфликтные ситуации, заниженная или завышенная самооценка, несформированность коммуникативных навыков, несформированность собственной системы ценностей и пассивность в их достижении, акцентуации характера [7; 9].

В качестве социально-психологических факторов риска приобщения подростка к ПАВ выступают нарушение семейной структуры (неполная семья, появление отчима (мачехи), сводных братьев и сестер), асоциальная и антисоциальная семья, проживание в плохих социально-бытовых условиях, потребление родителями алкоголя и табака (как модельное поведение), нарушенные стили воспитания в семье (гипопротекция, гиперпротекция, авторитарность, жестокое обращение с ребенком в семье, попустительство, безнадзорность, несогласованность и непоследовательность в воспитании, отсутствие понимания между родителями, отсутствие духовности, нравственных ценностей и идеалов в семье), чрезмерная занятость родителей, избыток свободного времени, пребывание в антисоциальных (асоциальных) компаниях и компаниях, употребляющих ПАВ [2].

Социальными факторами формирования риска потребления ПАВ являются их распространенность и доступность, социально-экономическая напряженность, ведущая к неблагоприятным условиям жизни, бедности, проблемам с жильем, безработице, высокому уровню стресса в обществе, а также вооруженные конфликты и социальные катаклизмы. Выявлен комплексный характер влияния низкого

социально-экономического статуса на чрезмерное потребление алкоголя и уровень проявления насилия в социуме [13]. Однако в ряде исследований определено, что юноши и девушки из семей с большим достатком чаще, чем их сверстники из семей с низким достатком, потребляют алкоголь. Это характерно для Франции, Дании, Мальты и России [14]. Различия в мотивации к потреблению ПАВ также объясняются культурными и религиозными особенностями социума. Так, для стран, в которых культивируется индивидуализм (Ирландия, Нидерланды, Соединенное Королевство и Швейцария), более сильными оказались социальная мотивация и стремление к приятным ощущениям, чем для стран с коллективистской культурой (Испания и Португалия), в которых потребление ПАВ в большей степени определяется традициями, влиянием или даже давлением групповых норм [12]. Кроме этого, существуют питейные традиции внутри отдельных социальных групп и субкультур. Например, было бы странно, если бы шахтеры Кузбасса или металлурги Челябинска предпочитали крепкому алкоголю изысканные сухие вина. Это же относится и к табакурению, хотя различия здесь больше касаются возрастных и социальных аспектов. Такое явление, как мода, является мощным фактором снижения табакокурения в молодежной среде и повышения потребления никотиносодержащих веществ посредством электронных устройств.

При определенном стечении обстоятельств родительская семья может концентрировать в себе совокупности различных комбинаций перечисленных предпосылок к развитию химических аддикций как у взрослых членов семьи, так и у их детей. В многочисленных работах, посвященных изучению этого вопроса, объектом исследования, как правило, являются маргинальные семьи, с формально зафиксированным алкоголизмом или наркоманией у взрослых членов семьи. Доказано, что до 70 % мальчиков и до 25 % девочек, воспитывающихся в семьях с алкоголезависимыми родителями, во взрослом возрасте сами имеют зави-

симость от алкоголя [4]. Данные закономерности характерны как для алкогольной, так и для табачной зависимости [10; 16]. Кроме того, дети родителей, страдающих алкоголизмом, в общем характеризуются пониженным потенциалом социальной адаптации и социализации, склонностью к агрессивному и рискованному поведению, расстройствами тревожного и депрессивного спектров [8; 15]. Отмечаются выраженные половые особенности проявления психофизиологических и психологических характеристик у детей алкоголезависимых родителей. При этом у юношей доминируют расстройства, связанные с повышенной стрессреактивностью, а у девушек – с эмоциональной неустойчивостью, импульсивностью, низким самоконтролем [3; 11].

Доказана существенная роль пола алкоголезависимого родителя в формировании психологических проблем у детей. В большей степени психологическую дезадаптацию ребенка инициирует алкоголизм матери, нарушающий их симбиотическую связь и провоцирующий у этих детей страх, враждебность, психосоматические расстройства. Алкогольная зависимость у отца в семье со здоровой матерью не оказывает столь выраженного влияния на психологическую дезадаптацию детей [1; 11].

Представленные данные ограничены изучением психологических явлений в рамках «алкогольной семьи», где априори присутствует комплекс проблем различного генеза, жестко влияющих на социальное благополучие, психическое и физическое здоровье детей. За рамками научного интереса к маргинальным семьям с формально зафиксированным алкоголизмом или наркоманией у ее взрослых членов остаются социально-благополучные семьи (что, впрочем, не равно психологическому благополучию), которые по статистике являются основными потребителями легальных ПАВ в РФ. Следует признать существование в нашем обществе серьезной медико-социальной проблемы, требующей всестороннего изучения, в том числе в отношении риска формирования алкогольной и табачной зависимости у новых поколений жителей России.

Целью исследования являлось определение особенностей влияния потребления алкоголя и табака родителями на риск востребованности психоактивных веществ у взрослых детей.

Исследование выполнялось в 13 регионах России (Архангельская область, Республика Карелия, Ленинградская область, Самарская область, Воронежская область, Саратовская область, Волгоградская область, Ставропольский край, Республика Калмыкия, Республика Крым, Челябинская область, Республика Алтай, Приморский край), обладающих устойчивыми сочетаниями природных и антропогенных факторов среды, типичными для территории РФ. Всего в исследовании было задействовано 4 012 юношей и девушек – студентов ведущих государственных вузов, расположенных в модельных регионах. Семьи респондентов характеризовались отсутствием финансовых и бытовых проблем, социальным благополучием. Члены семьи в прошлом и настоящем (на момент исследования) не имели медицинских диагнозов по химическим аддикциям. Тестирование проводилось в очном режиме, анонимно с ноября 2020 по октябрь 2021 года. Все работы выполнялись в соответствии с принципами Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека, в части статей 4 (благо и вред), 5 (самостоятельность и индивидуальная ответственность), 6 (согласие) и 9 (неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность).

Тестирование студентов осуществлялось по комплексу стандартных показателей психологического статуса, отражающих основные свойства личности, определяющих склонность человека к востребованности ПАВ. Оценивались показатели Фрайбургского многофакторного личностного опросника – FPI (И. Фаренберг, Х. Зарг, Р. Гампел), акцентуаций темперамента и характера (К. Леонгард), внушаемости, фрустрации, раздражительности и обиды (В. В. Козлов, В. А. Мазилев, Н. П. Фетискин), авантюриности (А. Чичин), поведенческой, социальной, профессиональной, экономической, политической активности и социальной

деструктивности, асоциальности и просоциальности (Ю. А. Шатыр и др.). Для выявления и интерпретации опыта потребления легальных ПАВ респондентам предлагалось заполнить анкету, содержащую варианты выбора следующих позиций по наличию и кратности потребления алкоголя: отсутствие потребления; потребление 1 раз в месяц и реже; потребление 2-4 раза в месяц; потребление 2-3 раза в неделю; потребление 4 раза в неделю и чаще. Также в анкете содержался вопрос: «Вы курите? Если да, как часто?». К курильщикам относили студентов, систематически выкуривающих не менее двух сигарет в день. Кроме этого, студентам предлагалось ответить на вопрос о пробах и потреблении наркотических веществ. Респонденты-студенты также ответили на вопросы, касающиеся их родителей: возраст, национальность, кратность и доза потребления алкоголя, наличие табачной зависимости. Была получена полная информация о 2 302 родителях. Анализ связей исследуемых показателей выполнялся путем расчета коэффициента корреляции Спирмена и t-критерия Стьюдента. Формирование базы первичной информации и ее последующая статистическая обработка осуществлялась в программах Statistica 6.0 (Statsoft Inc., USA), MS Excel 2007 (12.0.6611.1000) (Microsoft).

Первичный анализ уровня потребления легальных ПАВ среди родителей выявил неравномерное распределение относительного количества потребителей алкоголя и табака по модельным регионам России (табл. 1).

Как следует из полученных данных, максимальной долей потребителей алкоголя среди отцов и матерей (83 % и 82 % соответственно) в социально благополучных семьях, отличается Самарская область. Архангельская область характеризуется минимальной долей потребителей алкоголя среди родителей (31,4 % – отцы и 42,3 % – матери) в социально благополучных семьях. Максимальная доля курящих отцов и матерей (46 % и 26 % соответственно) в социально благополучных семьях приходится на Ленинградскую область. Минимальной долей курящих родителей из со-

Таблица 1
**Относительное количество потребителей
алкоголя и табака среди родителей
респондентов в модельных регионах
Российской Федерации**

Регионы	Потребление алкоголя		Табако- курение		
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	
Архангель- ская обл.	31,4	42,3	37,2	16,8	
Республи- ка Карелия	67,7	68,7	29,3	9,1	
Ленинград- ская обл.	74	58	46	26	
Челябин- ская обл.	74,3	70,3	39,6	19,8	
Республика Алтай	59,6	54,8	30,8	9,6	
Примор- ский край	73	44	36	18,6	
Самарская обл.	83	82	35,7	17	
Воронеж- ская обл.	55,8	51,7	37,4	13,6	
Саратов- ская обл.	64	64	41,5	18,7	
Волгоград- ская обл.	66,7	79,5	32	20,5	
Ставрополь- ский край	74,7	60,4	38,5	6,6	
Республика Калмыкия	36,2	38,8	38,8	9,2	
Респ. Крым	Крым. татары	56,8	56,8	35,3	13,7
	Славян- не	56	70	39,3	20,2

циально благополучных семей, по мужчинам отличается Республика Карелия (29,3 %), а по женщинам – Ставропольский край (6,6 %). Статистический анализ этих результатов, выполненный по критерию парных выборок, определил значимое ($p < 0,001$) преобладание относительного количества потребителей алкоголя среди взрослых представителей социально благополучных семей Самарской области относительно взрослых мужчин и женщин – жителей Архангельской области. Преобладание относительного количества курильщиков среди взрослых представителей социально благополучных семей Ленинградской области не

достигает статистически значимых различий по отношению к относительному количеству курящих мужчин в Республике Карелия ($p = 0,057$), и относительному количеству курящих женщин в Ставропольском крае ($p = 0,128$).

Соотнесение представленных результатов по алкоголизации и табакокурению среди родителей с уровнем потребления ПАВ среди их взрослых детей-студентов в модельных регионах России, не выявило системных взаимосвязей по всем группам респондентов.

Дальнейший анализ результатов тестирования был направлен на поиск статистически значимых связей показателей потенциально-го риска влияния поведения родителей на востребованность ПАВ взрослыми детьми (потребление алкоголя отцом, потребление алкоголя матерью, табакокурение отца, табакокурение матери, кратность и доза потребления алкогольных напитков у членов родительской семьи) с показателями психологического статуса студентов – участников исследования. Основные статистически значимые корреляционные связи анализируемых показателей и явлений в представленных группах наблюдения отражены в табл. 2.

Полученные данные характеризуют особенности психологического статуса студентов, склонных к потреблению ПАВ, воспитывавшихся в социально благополучных семьях, в которых родители потребляли алкоголь и табак. При этом для юношей, воспитывавшихся в семьях с курящим отцом или курящей матерью, характерны, соответственно, агрессивность реактивная и социальная деструктивность. Данные черты личности являются факторами риска востребованности ПАВ, что подтверждает системность проявления семейной наследуемости потребления алкоголя и табака у взрослых сыновей.

В отношении девушек наблюдаются более сложные комбинации сочетаний поведенческих явлений и психологических показателей востребованности ПАВ в зависимости от потребления алкоголя и табака их родителями. Здесь примечательна связь позитивного опыта первой пробы алкоголя у девушек с

Таблица 2

Статистически значимые корреляционные связи психологических характеристик студентов и показателей потребления алкоголя/табака между группами родителей и детей

Показатели			Родители						
			Отец			Мать			
			Табак	Алкоголь		Табак	Алкоголь		
			Факт	Доза	Кратн.	Факт	Доза	Кратн.	Факт
Дети	Девушки	1	-	-	-	-	0,583	-	-
		2	0,652	-	-	-	-	0,595	-
		3	-	-	-	-	-0,535	-	-
		4	0,741	-	-	-	-	0,579	-
		5	-	-0,628	-	-	-0,554	-	-
		6	-	-	-	-	0,547	-	0,619
		7	-	-	0,579	-	-	-	-
		8	-	-	-	0,547	-	-	-
	Юноши	9	-	-	-	-	-	-	0,583
		10	-	-	-	0,538	-	-	-
		11	0,701	-	-	-	-	-	-
		12	-	-	-	-	-	-	0,761

Примечание:

- 1 – удовлетворенность жизнью;
- 2 – терпимость;
- 3 – асоциальность;
- 4 – открытость;
- 5 – дистимичность;
- 6 – агрессивность спонтанная;

- 7 – позитивный опыт 1 пробы алкоголя;
- 8 – кратность потребления алкоголя;
- 9 – терпимость;
- 10 – социальная деструктивность;
- 11 – агрессивность реактивная;
- 12 – кратность потребления алкоголя.

кратностью потребления алкоголя у отца, а также – кратности потребления алкоголя у девушек с табакокурением матери. Курение отца прямо связано с открытостью и терпимостью у девушек. Количество (доза) потребляемого алкоголя у отца, обратно связано с дистимичностью у девушек. В целом, алкоголизация матери положительно связана со спонтанной агрессивностью, открытостью, терпимостью, удовлетворенностью жизнью, и отрицательно – с асоциальностью и дистимичностью у девушек. Представленные данные могут свидетельствовать о восприятии дочерью пьющих и курящих родителей как норму поведения взрослых членов семьи. А проявляемый набор психологических черт характера у девушек, скорее всего, является следствием их пассивной, вынужденной адаптации к естественной для них среде жизнедеятельности. Выраженность спонтанной агрессивности в

данном случае может быть проявлением физиологической реализации механизмов психологической защиты у девушек, вынужденных приспосабливаться к алкогольным и табачным традициям родительской семьи.

Выводы

1. Существуют значительные региональные различия в потреблении алкоголя/табака взрослыми членами социально благополучных семей. В частности, максимальная доля потребителей алкоголя среди отцов и матерей (83 % и 82 % соответственно) выявлена в Самарской области, а минимальная доля – в Архангельской области (31,4 % – отцы и 42,3 % – матери). Максимальная доля курящих отцов и матерей (46 % и 26 % соответственно) – в Ленинградской области, а минимальная доля курящих мужчин – в Республике Карелия (29,3 %), женщин – в Ставропольском крае (6,6 %).

2. Интенсивность и доза потребления алкоголя и табака родителями из социально благополучных семей влияет на потребление ПАВ их детьми-студентами. Обнаружена гендерная специфика такого влияния. В частности, примечательна прямая связь позитивного опыта первой пробы алкоголя у девушек с кратностью потребления алкоголя у отца, а также – кратности потребления алкоголя у девушек с табакокурением матери. У юношей такая зависимость не наблюдается.

3. Влияние характера потребления ПАВ родителями на детей опосредуется еще связью между потреблением алкоголя/табака студентами и рядом свойственных им психологических качеств. Эта совокупная взаимосвязь характеризуется гендерными различиями. В частности, у юношей, воспитывавшихся в семьях с курящим отцом, проявляется выраженная агрессивная реактивность, а если курит мать, то социальная деструктивность. Относительно девушек эти связи проявляются в более сложной конфигурации. Курение отца прямо коррелирует с выраженностью показателей открытости и терпимости, а доза потребляемого им алкоголя обратно пропорционально связана с проявлением дистимичности у девушек. Потребление алкоголя матерью прямо связано с выраженностью спонтанной агрессивности, открытости, терпимости, удовлетворенности жизнью, и отрицательно – с проявлениями асоциальных установок и дистимичностью у девушек.

АННОТАЦИЯ

В тринадцати регионах России исследовалось влияние потребления алкоголя и табака в социально благополучных родительских семьях на востребованность психоактивных веществ (ПАВ) студентами – выходцами из этих семей. С помощью четырех известных надежных и валидных методик изучался психологический статус студентов, рассматриваемый как совокупность двенадцати психологических характеристик. Доказано, что наряду с такими показателями влияния, как интенсивность и доза потребления ПАВ родителями, существует также зависимость между пот-

реблением алкоголя/табака студентами и рядом свойственных им психологических характеристик: реактивная агрессивность, социальная деструктивность (у юношей), открытость, терпимость, дистимичность, спонтанная агрессивность (у девушек). В целом обнаружены гендерные различия относительно всех значимых корреляционных связей.

Ключевые слова: психоактивные вещества, алкоголизация, табакокурение, студенческая молодежь, психологический статус, социально благополучная семья.

SUMMARY

As a result of a study conducted in thirteen regions of Russia, significant regional differences in alcohol/tobacco consumption by adult members of socially prosperous families were found. In particular, the maximum share of alcohol consumers among fathers and mothers (83 % and 82 %, respectively) was found in the Samara region, and the minimum share - in the Arkhangelsk region (31.4% - fathers and 42.3% - mothers). The maximum proportion of smoking fathers and mothers (46% and 26%, respectively) in the Leningrad region, and the minimum proportion of smoking men in the Republic of Karelia (29.3%), women – in the Stavropol Territory (6.6%). The influence of alcohol and tobacco consumption in socially prosperous parental families on the demand for these psychoactive substances (PS) by students from these families was also studied. With the help of four well-known, reliable and valid methods, the psychological status of students was studied, considered as a combination of twelve psychological characteristics. It has been proved that along with such indicators of influence as the intensity and dose of PAS consumption by parents, there is also a relationship between alcohol/tobacco consumption by students and a number of their psychological characteristics. Moreover, gender differences were found with respect to all significant correlations. It has been established that young men brought up in families with a smoking father show a pronounced aggressive reactivity, and if the mother smokes, then social destructiveness. With regard to girls, these connections are manifested in a more complex configuration. Fat-

her's smoking is directly correlated with the severity of indicators of openness and tolerance, and the dose of alcohol consumed by him is inversely related to the manifestation of dysthymia in girls. The use of alcohol by the mother is directly related to the severity of spontaneous aggressiveness, openness, tolerance, life satisfaction, and negatively – with the manifestations of antisocial attitudes and dysthymia in girls.

Key words: psychoactive substances, alcoholism, smoking, student youth, psychological status, socially prosperous family.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байкова М. А. Взрослое потомство больных алкоголизмом: клинико-психопатологические и психологические особенности (обзор литературных данных) // *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*. – 2016. – № 4 (9). – С. 45–50.
2. Кузнецова Л. Э., Булгаков В. В. Социально-психологические факторы риска формирования химической зависимости у молодежи, склонной к употреблению психоактивных веществ // *Молодой ученый*. – 2019. – № 16. – С. 237–239.
3. Литвинова В. В. Клинико-психологические особенности взрослых детей алкоголиков // *Тюменский медицинский журнал*. – 2017. – Т. 19. – № 1. – С. 33–36.
4. Москаленко В. Д. Наркологические, психопатологические нарушения, психологические проблемы в популяции взрослых сыновей и дочерей больных зависимостями // *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. – 2006. – № 3. – С. 55–61.
5. Поиск маркеров фенотипической обусловленности рисков потребления алкоголя и табакокурения у женщин в динамике овариально-менструального цикла / А. Б. Мулик [и др.] // *Профилактическая медицина*. – 2021. – Т. 24. – № 8. – С. 31–37.
6. Влияние среды проживания на потребление алкоголя населением России / А. Б. Мулик [и др.] // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. – 2020. – Т. 28. – № 4. – С. 564–567.
7. Сафронова А. Н., Вербицкая Н. О. Основные факторы и предпосылки проявления склонности учащейся молодежи к употреблению психоактивных веществ // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 12–10. – С. 2226–2230.
8. Психологический портрет лиц, выросших в «алкогольных семьях» / Н. В. Филиппова [и др.] // *Наркология*. – 2021. – Т. 20. – № 8. – С. 64–69.
9. Impulsivity mitigates the effects of social anxiety on alcohol addiction in the laboratory / T. Adams [et al.] // *Addictive Behaviors*. – 2019. – Oct. 97. – Pp. 70–76.
10. Social Norms as a Predictor of Smoking Uptake among Youth: A Systematic Review, Meta-Analysis and Meta-Regression of Prospective Cohort Studies Addiction / K. East [et al.]. – 2021 – Nov. 116 (11). – Pp. 2953–2967.
11. Relationships among Depressive Mood Symptoms and Parent and Peer Relations in Collegiate Children of Alcoholics / M. L. Kelley [et al.] // *Am. J. Orthopsychiatry*. – 2010 – Apr. 80 (2). – Pp. 204–12.
12. Stewart SH and the DRINC Team. Cross-cultural comparisons of drinking motives in 10 countries: data from the DRINC project / SP. MacKinnon [et al.] // *Drug Alcohol Rev.* – 2017. – Vol. 36. – Pp. 721–30.
13. Norstrom T., Rossow I., Hilde P. Social inequality in youth violence. The role of heavy episodic drinking // *Drug Alcohol Rev.* – 2018. – Vol. 37(2). – Pp. 162–9.
14. Socioeconomic position and occupational social class and their association with risky alcohol consumption among adolescents / N. Obradors-Rial [et al.] // *Int J Public Health*. – 2018. – Vol. 63(4). – Pp. 457–67.
15. Van Den Berg N., Hennigan K., Hennigan D. Children of parents in drug/alcohol programs: are they underserved? // *Alcohol Treat. Quart.* – 1989. – Vol. 6 (3/4). – Pp. 1–25.
16. Social, economic and family factors associated with binge drinking in Spanish adolescents / A. M. Vargas-Martínez [et al.] // *BMC Public Health*. – 2020. – Apr. 17. – Vol. 20(1). – 519 p.